

С угла площади перед дворцом, смотря вдоль улицы Чанцзе, можно было заметить робкий серп луны, висящий в небе. В сгущающихся сумерках Ли Хунчэн, небрежно сложив руки, смерил взглядом своего хорошенького, как девушка, приятеля и сказал, не в силах сдержать смех:

— Смотрю, твоё лицо прямо-таки светится красным, удивительно цветущий вид. Видимо, сегодня ты получил немало выгоды.

Фань Сянь ответил с улыбкой:

— Мы не виделись несколько месяцев, и в первых же словах ты дразнишь меня. Ты же выдающийся принц Цзин, пятый из богатых молодых господ столицы, зачем переживать из-за такого неудачника, как я?

Не считая четырёх принцев, среди молодого поколения Ли Хунчэн, естественно, имел самое благородное происхождение. Фань Сянь намеренно поставил его на пятое место среди молодых господ: будь это обычная дружба, это могло бы показаться легкомысленным, но между ними двумя, напротив, выглядело очень сердечно.

Ли Хунчэн чуть удивился, подумав, что этому парню до сих пор было постоянно слишком лень беспокоить его, и в его мягкой улыбке всегда прятался намёк на глубоко скрытое одиночество — почему же сегодня он изменил своим привычкам? Вспомнив кое о чём и решив, что всё понял, он громко рассмеялся:

— Это ты-то неудачник? Император так благоволит тебе, даже особо повелел остаться после дворцовой аудиенции. Боюсь, некоторые столичные чиновники были бы рады скрежетать зубами, терпя подобные неудачи.

Фань Сянь махнул рукой и ничего не ответил. Тэн Цзыцзин, ожидавший снаружи дворца, подошёл было поприветствовать его, но, заметив, что с молодым господином разговаривает принц, и понимая, что перебивать неудобно, торопливо сказал:

— Молодой господин, хозяин мне заранее приказал сопровождать вас.

Ли Хунчэн улыбнулся и спросил:

— А что? Господин Фань беспокоится, что я напою Фань Сяня до умопомрачения?

Рядом с ним Фань Сянь ответил:

— Тогда сопровождай.

Пока он говорил, подъехала повозка из поместья Фань. Ли Хунчэн приказал слуге из поместья

принца привести лошадь и, оглянувшись, с любопытством спросил:

— Что такое? Ты всё ещё предпочитаешь ехать в повозке, а не верхом?

Фань Сянь ответил:

— Если не торопишься, какой смысл ехать верхом?

Ли Хунчэн невольно покачал головой и вздохнул.

— Если бы столичные жители не знали о твоих литературных и боевых талантах, а просто видели твоё поведение, боюсь, они бы смотрели на тебя свысока и считали, что ты всего лишь слабосильный, бесполезный книжник.

В государстве Цин питают пристрастие к боевым искусствам, и молодые люди почитают доблестью умение ездить верхом, Фань Сянь же поступил наоборот. Если была повозка, на которой можно ехать, он категорически отказывался садиться на лошадь. За год эта причуда стала известна по всей столице.

Фань Сянь со смехом ругнулся и, направляясь к повозке, пробормотал про себя: «Отбей себе всю задницу».

Охранники и слуги из поместья принца Цзина уже собрались вокруг и вместе с охраной из поместья Фань образовали небольшой отряд в десять с лишним человек, защищающий всадника на высокой лошади и неприметную чёрную повозку, медленно направляющихся в восточную часть города.

В столице не было комендантского часа, и, несмотря на позднее время, на улицах всё ещё встречалось много прохожих. Смотря на привлекающий взгляды отряд и замечая красивого молодого человека на лошади и знак в виде квадрата и круга на повозке, они сразу понимали их статус. Все жители столицы слышали новости о возвращении посольства, значит, раз повозка едет вместе с принцем Цзином, видимо, в ней плотно окружённый легендами внебрачный сын семьи Фань, молодой господин Фань. Все невольно замедляли шаг, чтобы взглянуть на него, и некоторые отчаянные безумцы кричали в сторону повозки: «Бог поэзии, бог поэзии!»

О прошлогоднем пире во дворце уже давно судачил народ столицы, а рассказ о книгах, подаренных господином Чжуан Моханем, в Северной Ци намеренно распространялся восьмым отделом Контрольной палаты и стал общеизвестным, укрепляя авторитет Фань Сяня. Но лишь когда разошлось стихотворение «Но знаешь ли ты? Знаешь?», написанное вновь открывшим свой талант богом поэзии, простые люди узнали, что молодой господин Фань действительно осмелился в столице Северной Ци, среди бела дня, на глазах у множества знатных молодых людей увиваться за последней ученицей грандмастера Ку Хэ. При мысли об этом у столичных жителей воспламенились сердца, словно это было деяние более славное, чем обретение книг

Чжуан Моханя. Разве не понятно: Хайтан, которую вы держите за Святую, в руках нашего молодого господина Фаня — не более чем цветок, ждущий, чтобы его сорвали!

Фань Сянь уважил жителей столицы Цин, и естественно, народ должен тоже выказать ему уважение. По дороге люди беспрерывно осыпали благопожеланиями и кланялись Фань Сяню. Большинство из них были учёными, и изредка встречались барышни со смущёнными лицами, почтительно приветствовавшие его.

Молодой господин Фань завоевал сердца людей, поэтому, естественно, толпа не замечала принца Цзина, хотя он был самым высокородным в столице. Однако на лице принца Цзина не было заметно недовольства, напротив, он счастливо улыбался, словно уважение, заслуженное Фань Сянем, осеняло и его.

Слыша разговоры и приветствия снаружи повозки, по логике, Фань Сянь, даже если бы не открыл окно, чтобы приветственно помахать людям, словно некий лидер в некоем другом мире, то по крайней мере должен был удовлетворённо улыбнуться. Но кто бы мог подумать, что сейчас на его губах появится беспомощная, горькая усмешка.

Для приветственного пира в честь Фань Сяня принц выбрал «Каменный домик» — как раз тот ресторан, где Фань Сянь, впервые приехав в столицу, продемонстрировал резкость суждений. Этот ресторан в столице считался роскошным — не достаточно тихим, но и далеко не забегаловкой. Фань Сянь никак не мог до конца понять, почему Хунчэн выбрал именно это место, но не возражал.

Выйдя из повозки, он заметил, что в ресторане сегодня неожиданно тихо. По улице Чанцзе перед ним гуляло не так уж много людей, а в здании, обычно гудящем, как улей, было ещё тише. К счастью, внутри горел яркий свет, иначе он бы заподозрил, что за те несколько месяцев, пока он уезжал с посольством, ресторан, бывший первым в вытрясании денег, прогорел и закрылся.

Увидев сомнение во взгляде Фань Сяня, Ли Хунчэн перестал морочить ему голову и сказал с улыбкой:

— Я снял его на сегодня.

Фань Сянь криво улыбнулся и сказал:

— Хотя ты и могущественный принц, это уж слишком. Неизвестно, сколько высокопоставленных лиц посещает «Каменный домик» каждый день, а ты создаёшь им проблемы только ради того, чтобы угостить меня. Боюсь, они обидятся. Если хочется тишины, на западе города есть много таких мест. Даже если тебе нравится, как здесь готовят, достаточно было арендовать этаж. Для нас двоих целое здание — это слишком напоказ. Пусть

цзюньван Цзин ничего не скажет, когда это дойдёт до дворца, будет нехорошо.

Ли Хунчэн заметил, что тот говорит искренне, помолчал, глядя на него, но всё же в душе растрогался и спросил с улыбкой:

— Чего ты боишься? Боишься, что все в мире узнают, что мой отец любит растить цветы, а я люблю цветы срывать, всегда веду себя беспечно и от славы принца-развратника уже не отмоюсь? Так и что с того?

Фань Сянь, зная, что с его статусом тот действительно может позволить себе пускать пыль в глаза, с улыбкой покачал головой:

— Эх ты, почти женатый человек, а всё не умеешь сдерживаться.

При упоминании брака Ли Хунчэн сделал обрадованное лицо, но обсуждать дальше ему было немного неловко, поэтому он сказал:

— Ты тоже не должен быть слишком осторожным. Надо понимать, что в твоих руках сейчас немалая власть, да ещё ты женат на такой хорошей девушке... Скажу тебе прямо: во дворце и дома мы, младшие, естественно, должны как-то соблюдать меру, но за пределами дворца или поместья мы настоящие хозяева. Не беспокойся о том, что люди скажут!

Эти слова прозвучали нагло, кичливо и высокомерно, однако в устах Ли Хунчэна не вызвали отвращения.

Фань Сянь во дворце тоже сдерживал переполняющий душу гнев, поэтому просто улыбнулся и последовал за ним внутрь. Войдя на первый этаж, они вдруг увидели доску с позолоченными иероглифами «Каменный домик», собственноручно начертанными господином Пань Лином. Ли Хунчэн остановился, указал на них и спросил:

— Ты помнишь, где мы с тобой впервые встретились?

Фань Сянь рассмеялся:

— Прямо здесь.

— Да-а. Но не прошло и года, как ты, парень, который выносил резкие суждения и повторял, что смотрит свысока на так называемые таланты, теперь сам прославился своим талантом во всём мире. — Ли Хунчэн невольно покачал головой и добавил с улыбкой: — Если бы ты мог знать, что известнейший учёный нашей эпохи, Чжуан Мохань, перед смертью сделает тебя наследником, хватило бы у тебя духу ругать талантливых людей?

Вспомнив о пережитом за год, Фань Сянь волей-неволей растрогался и вздохнул:

— В начале года не знаешь, чем он закончится. И я не боюсь твоих шуток. В то время я был всего лишь незаконнорождённым сыном, который приехал в столицу, ничего и никого не зная. Естественно, было бы сложно избежать большого недовольства.

Ли Хунчэн посмотрел на него с улыбкой, зная, что хотя есть три основные причины, почему его молодой приятель так сильно изменился за год: благоволение и забота императора, тайная поддержка министра Фаня и связи, приобретённые через брак, — но всё же стать преемником главы Контрольной палаты в столь юном возрасте и заслужить право сидеть в императорском кабинете без реальных способностей абсолютно невозможно. А ведь был ещё сборник «Стихов кабинета полупраздности», который печатался несколько раз, — всё это являлось исчерпывающим доказательством для людей всего мира.

Что касалось должности в Контрольной палате, на самом деле влиятельные лица в столице не связывали напрямую Чэнь Пинпина с Фань Сянем, они просто считали, что таково было желание императора и что Чэнь Пинпин, верный пёс, просто выполнил приказ.

— Хотя ты всегда тащишь меня гулять к реке Люцзинхэ, я, по крайней мере, не пытаюсь дурачить несчастных женщин своим жалким талантом. — Фань Сянь взглянул на ошеломлённого Ли Хунчэна, засмеялся и похлопал его по плечу: — Так что если этот дерьмовый талант должно отругать, я так и сделаю.

По мнению Фань Сяня, одураченная его стихами Хайтан, естественно, не считалась несчастной женщиной.

Они вдвоём стояли перед рестораном «Каменный домик», смотря в прошлое сегодняшним взглядом и тяжело вздыхая, а хозяин и служащие ресторана страшно нервничали. Неизвестно, как владелец смог убедить принца провести здесь приветственный пир, но, если первый обед молодого господина Фаня после возвращения в столицу состоится в «Каменном домике», репутация ресторана поднимется на новый уровень. Разве что, если в будущем сюда станут приходить пообедать богатые учёные из Цзяннани, не будут ли их деньги потрачены зря? Хотя «Каменный домик» уже достаточно известен, но разве у кого-то бывает достаточно славы, власти и денег?

К счастью, волновались они недолго. Ли Хунчэн и Фань Сянь, по-дружески поддерживая друг друга, уже вошли в ресторан. Охранники из поместья принца, разошедшиеся по двум концам улицы, тут же собрались и встали на страже у двери ресторана. Служители в то же время уже вели повозку и слуг из поместья Фань куда-то ещё.

Дверь «Каменного домика» со скрипом закрылась — видимо, впервые за тридцать четыре года с открытия ресторана в столице.

Когда дверь закрывалась, Ли Хунчэн словно бы невзначай обернулся и острым взглядом заметил нескольких шпионов в простой одежде, занимавших ключевые места вокруг ресторана. В глубине души он понимал, что это были люди из Контрольной палаты, которые плотно защищали Фань Сяня, но он даже не был уверен, из какого они отдела. Принц мысленно вздохнул и сказал Фань Сяню:

— И ты говоришь, что я заносчив. Взгляни, Контрольная палата присматривает за тобой, когда ты ешь, а Тигровая Стража охраняет тебя, когда ты отправляешься с посольством. Если говорить о заносчивости, мне до тебя далеко.

За это время они уже поднялись по лестнице на третий этаж. Между двумя ширмами стоял небольшой круглый стол с несколькими тарелками изысканных закусок. Фань Сянь не стал церемониться, сел на табурет и тогда начал объяснять:

— Тигровая стража приписана к посольству, и их заберут после возвращения в столицу. Что касается Контрольной палаты... — Он горько улыбнулся и продолжил: — После происшествия на улице Нюланьцзе, думаешь, Палата может спокойно позволить мне гулять по столице одному?

В этот момент Ли Хунчэн притворно разгневался и выругался:

— Что-то тут у тебя, негодник, не так: молча и с недовольством стал преемником главы Контрольной палаты, но, судя по реакции Контрольной палаты после улицы Нюланьцзе, видимо, ты и тогда уже... если бы не переполох в Министерстве наказаний, я бы так и остался в неведении.

Если прикинуть, во время покушения на улице Нюланьцзе Фань Сянь ещё не потряс императора ночью поэтического безумия. На самом деле, принц тайно прощупывал почву: не только он, но и даже второй принц так никогда полностью и не постигли, почему император так доверял Фань Сяню.

Фань Сянь не стал ничего объяснять, просто вытер руки горячим полотенцем и принялся зазывать его выпить, постоянно говоря, что отсутствовал так долго, что забыл вкус столичного вина. Ли Хунчэн криво улыбнулся, понимая, что тот не может ничего ему объяснить.

Вскоре подали первую перемену блюд. Понимая, что принцу и молодому господину Фаню нужно что-то обсудить, хозяин, распорядитель и служащие, уловив их настроение, молча удалились. Фань Сянь небрежно подхватил палочками полоску рыбьего брюшка и отправил в рот, причмокнул губами и отхлебнул вина — казалось, он наслаждается этим до крайности.

Ли Хунчэн оглядел его и в шутку сказал:

— Если ты будешь отказываться от «медвежьих лап»*, на одной рыбе не протянешь — всё равно не сможешь избавиться от ограниченности расстановкой сил.

Фань Сянь ответил, не раздумывая:

— Медвежью лапу я люблю, и рыбу я тоже люблю. Но если нельзя получить и то и другое, я откажусь от медвежьей лапы и возьму рыбу**.

Его слова показались Ли Хунчэну любопытными, и он с улыбкой спросил:

— Почему?

Фань Сянь постучал себя по голове и сказал со смехом:

— Ты не поймёшь, тут проблема в том, что я когда-то плохо учился.

Поскольку это был приветственный пир, он изначально не должен был быть таким тихим, но вчера вечером Фань Сянь отправил принцу просьбу принять во внимание трудности путешествия и не приглашать большую компанию. К тому же принц смутно слышал, что из-за того стихотворения на заднем дворе Фань Сяня случился пожар, поэтому не стал звать певиц. Однако Ли Хунчэн был знатным молодым человеком и привык быть милым с людьми. Поскольку они были давно знакомы друг с другом, то обсуждали увиденное в Северной Ци, сплетничали, пили и ели, незатейливо, но душевно, и Фань Сянь, наконец, смог побыть на семь десятых собой, а еда ему чрезвычайно пришлась по вкусу.

После нескольких тостов принц почувствовал, что умение пить подводит его. Он указал на Фань Сяня и заругался:

— Я слышал, что ты пил в Северной Ци и напился с одного глотка. Почему это при мне ты стал богом вина?

Фань Сянь много изучал лекарственные снадобья, а его тело наполняла жесткая истинная ци — разве он мог напиться несколькими чашками слабого вина? Выпивая с Хайтан в Северной Ци, он опьянел потому, что хотел излить свою многолетнюю тоску, и напивался намеренно. Сейчас же он улыбнулся словам Ли Хунчэна и сказал:

— Ты взрослый мужик, какой мне смысл напиваться перед тобой?

На лице Ли Хунчэна вдруг появилось мечтательное выражение, и он тихо спросил:

— Эта барышня Хайтан... правда обликом подобна фее?

Фань Сянь прыснул вином; к счастью, он успел отвернуться, и вино выплеснулось на пол. Он то смеялся, то ругался:

— Неужто ты решил угостить меня сегодня именно ради этих слов?

После третьей чарки глаза Фань Сяня светились все ярче и ярче. Под винными парами Ли Хунчэн указал на изящное лицо Фань Сяня и сказал:

— Фань Сянь, не знаю, что случилось с тобой в этой дипломатической миссии, но сейчас твое лицо выглядит как-то не так.

Фань Сянь неосознанно коснулся своей щеки и с любопытством спросил:

— Что не так?

Ли Хунчэн почесал голову и раплескал вино на пол, словно раздумывая, как это выразить. Через некоторое время он засмеялся и ответил:

— Раньше у тебя на лице тоже была легкая улыбка, такая же, как сейчас. Она вызывала желание сблизиться с тобой, однако всегда скрывала легкую холодность, словно ты не хотел, чтобы другие оказывались слишком близко. А сейчас в твоей улыбке нет той нарочитой наивности, она просто успокаивает людей. Глаза твои ясны, и что речь, что манеры — все подобно куску полированного нефрита, совершенно гладкому.

Фань Сянь в нужный момент улыбнулся, думая, что, вероятно, эта перемена случилась с ним той ночью в пещере. Он, наконец, понял кое-что и начал искренне считать себя частью этого мира и строить реальные планы на свое будущее. Что идет изнутри, проявляется снаружи: изменения будут неизбежны.

Ли Хунчэн постепенно напился, но Фань Сянь был совершенно трезв.

— Я знаю, сегодня дворец утвердил передачу управления внутренней сокровищницей тебе, — сказал Ли Хунчэн с пьяным смущением. — В будущем не забудь позволить и мне немного нажиться на всех этих богатствах.

Хотя это была глупая шутка, но от лица принца она была высказана с достаточным уважением к Фань Сяню. Фань Сянь невольно изумился, взглянул на него и тихо спросил:

— У твоей семьи наследственный титул вана, зачем ты это делаешь? Неужели император все еще в долгу перед твоей семьей?

Ли Хунчэн с насмешкой на лице произнес заплетающимся языком:

— Ты же знаешь, что у меня большие расходы. Хотя в доме Цинъюй есть приказчики, помогающие нашему поместью вести счета, и имеется некоторый доход, но его вовсе не достаточно... — Он вздохнул. — И ты знаешь, что тот человек в моей семье хотя и приходится братом императору, но уже много лет не желает ничего делать, даже во дворец, навестить бабушку, приходит только раз в месяц. Он ужасно упрямый — естественно, ничем не занятый принц должен быть более почтительным к старшим. А мне с моим статусом негоже забывать о своем положении и общаться со всякими начальниками округов и областей, поэтому, естественно, бывают времена, когда я стеснен в средствах.

Фань Сянь как будто немного удивился. Он запинаясь, не зная, что сказать:

— Если ты скажешь это посторонним, никто не поверит.

Ли Хунчэн махнул рукой, разгоняя винные ароматы, и усмехнулся:

— От одной репутации родственника никакой пользы. Не смущайся, в конце концов, внутренняя сокровищница принадлежит императорскому двору, и когда придет время загрести оттуда, ни в коем случае не скромничай. За те годы, что сокровищницей управляла тетя, неизвестно, сколько прибыли получил оттуда наследный принц. Даже когда проводили обыск у семьи Го, которую ты низложил, то конфисковали сто тридцать тысяч лян серебра, и разве во внутренней сокровищнице была нехватка? Если ты поедешь посмотреть на дворец наследного принца в Учжоу, ты узнаешь, куда делись народные деньги.

Сердце Фань Сяня вздрогнуло, когда он понял, что слова принца предназначались специально для него.

Глядя на пьяного принца Цзина, лежащего на столе, Фань Сянь про себя холодно усмехнулся: если подумать, дядя У Чжу оказался прав, никто в этом мире не заслуживает доверия. Во время поездки в Северную Ци у него часто было ощущение, что настоящая дружба — вещь труднодостижимая, поэтому сегодня вечером он ясно понимал, что Ли Хунчэн под видом приветственного пира от имени второго принца хочет заявить о своих близких отношениях с его партией в столице. Он все равно не стал отказываться, но неожиданно принц высказал ему в лицо такой большой запрос.

Доверенный подчиненный Ли Хунчэна, принца Цзина, все это время тайно управлял всей торговлей телом на реке Люцзинхэ, и хотя этот бизнес не очень-то достойный и вроде бы не сочетается со статусом принца, он постоянно поставляет ему большие суммы денег. Принц действует в полной тайне, и если бы Фань Сянь прошлым летом не приказал проверить известную содержательницу публичного дома по имени Юань Мэн, то даже второй отдел Контрольной палаты не узнал бы об этом — неудивительно, что принц осмелился прибедняться перед Фань Сянем.

Однако Фань Сянь знал также, что второй принц не факт что заинтересован в деньгах внутренней сокровищницы. Просто, пока у руля была старшая принцесса из Синьяна, Восточный дворец наверняка сотворил много хитростей со внутренней сокровищницей, а второй принц, возможно, лишь планировал, положившись на Фань Сяня, на этом пути сбросить наследного принца с лошади.

Кроме того, он понимал, что в словах принца среди лжи скрывалась правда: некоторая знать и дворяне не то чтобы благоденствовали. Даже он сам, если бы не содержал книжную лавку и не имел в семье главного управляющего государственными финансами, возможно, только и мог бы, что жить с протянутой рукой — если никто не снабжает финансами, неужели рассчитывать только на жалкое придворное жалование?

Пиршественный стол был разорен, вино закончилось. Фань Сянь потеревил Ли Хунчэна, не заметил никакой реакции, но ему было лень выяснять, на самом ли деле тот пьян или только притворяется, поэтому он, сделав вид, что шатается, встал, опираясь на стол, и направился наружу. Владелец ресторана заранее уже предупредил слуг обеих сторон, чтобы пришли прислуживать господам.

Деревянная дверь «Каменного домика» была уже открыта, и в нее задувал ночной ветерок ранней осени. Фань Сянь покачал головой, пытаясь отнестись к другу со всей искренностью, но, не получив ответа, невольно почувствовал разочарование.

Как раз в этот момент словно из ниоткуда появился просто одетый человек средних лет и с трепетом глубоко поклонился Фань Сяню. Тот чуть обернулся и нахмурился, подумав, что раз Ли Хунчэн арендовал все здание, а за дверью стояла охрана, то как этот человек проник внутрь?

Увидев замешательство на лице господина Фаня, человек торопливо и униженно произнес:

— Я Цуй Цинцюань, владелец «Каменного домика». Приветствую господина Фаня.

Значит, владелец «Каменного домика» пришел сюда, вероятно, чтобы подольститься к нему. Фань Сянь собирался машинально улыбнуться, но вдруг вспомнил эту фамилию, нахмурился и спросил:

— Цуй?

Цуй Цинцюань подобострастно улыбнулся и ответил:

— Именно. Старшие в семье изначально хотели прийти лично, чтобы поблагодарить вас за вашу великую милость и доброту при наставлениях второго молодого господина на севере, но

зная славу господина Фаня как поэта и ученого, решили, что он не одобрит подобное поведение, поэтому приказали мне хорошенько прислуживать вам сегодня.

Фань Сянь бесстрастно покивал, зная, что семья Цуй — основательный и известный столичный клан, который вел дела на севере. Молодой господин Цуй, который в столице Северной Ци стоял на коленях во дворе посольства под дождем, умоляя о пощаде, был из этого клана. Видимо, узнав, что их сын оскорбил Фань Сяня, семья Цуй старалась всеми правдами и неправдами решить эту проблему.

Цуй Цинцюань очень тактично, не подходя близко, просто протянул коробку и сказал:

— Это карликовый горный женьшень. Хотя он не особо питательный, но лучше всего помогает протрезветь. Он уже мытый, лучше всего жевать сырым.

Фань Сянь кивнул, и Тэн Цзыцзин, стоявший в стороне, принял коробку.

Проезжая в повозке по улице Чанцзе, Фань Сянь на коленях открыл коробку и не нашел там никакого женьшеня — в ней была толстая пачка денежных купюр. Он нахмурился, заметив, что там было по меньшей мере двадцать тысяч лян.

Тэн Цзыцзин сел напротив него, вытаращил глаза и сказал:

— Семья Цуй живет на широкую ногу.

Выражение лица Фань Сяня не изменилось, но на самом деле он несколько удивился. Это было равноценно доходу книжной лавки «Даньбо» за довольно продолжительное время, и его отдали ему так легко. Конечно, он также понимал, что если господин Цуй все еще хочет вести дела со внутренней сокровищницей на севере, ему придется много выслуживаться перед ним. Вспомнив еще о любезностях, которые ему оказывали во дворце и перед ним, он невольно вздохнул. Хотя он жил вторую жизнь, и его характер был гораздо более решительным, чем у обычных людей, но сейчас он так отчетливо ощутил, что приносит власть, и это было немного разочаровывающе.

Но деньги семьи Цуй были отданы напрасно. Поскольку Фань Сянь уже принял решение, в будущем семья Цуй будет лишь жертвой на похоронах старшей принцессы. При этой мысли его отвращение к принцу немного угасло. В конце концов, человеческая жизнь по-прежнему состоит в том, чтобы использовать друг друга. И хотя ему не очень нравится, что Ли Хунчэн держит его за дурака, но в конце концов ему все же хочется сохранить эту дружбу.

Тэн Цзыцзин посмотрел в лицо молодому хозяину и понял, о чем тот думает. Он нахмурился и спросил:

— Это уместно?

Фань Сянь посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

— Принц только что научил меня одной фразе: когда мы покидаем дворец или поместье, мы становимся настоящими хозяевами. Что в этом неуместного?

Повозка подъехала к захолустной улице. Луна приближалась к зениту, заливая все бледным серебристым светом. Фань Сянь вышел из повозки и приказал слугам возвращаться в поместье. Тэн Цзыцзин знал, что вокруг него всегда был отряд служащих Контрольной палаты, тайно охраняющих его, поэтому не стал ничего говорить.

Он махнул рукой в сторону тени, и к нему неслышно подошел тайный агент Контрольной палаты. Он был одним из первых людей в команде Циняня и мог считаться доверенным лицом Фань Сяня. Фань Сянь посмотрел на него и сказал:

— Дэн Цзыюэ, отправь завтра секретный приказ в Палату: проверить, не связаны ли как-то министр чинов, глава Приказа астрономии и календарей и левый заместитель главы Цензората с бизнесом семьи Цуй.

Дэн Цзыюэ внезапно поднял голову и уставился на него пронзительным взглядом:

— Господин преемник, вы не можете проверять императорскую семью без высочайшего указа.

У него был очень высокий ранг в Контрольной палате, поэтому он смутно знал, что за этими тремя знатными сановниками стоит второй принц.

Фань Сянь нахмурился и махнул рукой:

— Это всего лишь несколько сановников — проверить тайно, и все. Чего ты боишься?

Дэн Цзыюэ понял, что его слова вызвали недовольство господина преемника, и быстро согласился.

Фань Сянь посмотрел на него и добавил:

— Ван Цинянь понимает, что стоит спрашивать, а что не стоит. Раз ты взял на себя его обязанности, ты должен этому научиться.

Дэн Цзыюэ испуганно ответил согласием, а затем увидел, что перед ним внезапно появилась коробка. Он не осмелился открыть ее, поэтому прижал к груди и последовал за господином

Фанем, который шел, заложив руки за спину. Наконец он набрался смелости и спросил:

— Господин, как мне теперь связываться с Палатой?

Он не знал, стоит ли ему это спрашивать.

Фань Сянь остановился и сказал с улыбкой:

— Не пользуйся официальными каналами, это будет записано. Обращайся прямо к Му Те из первого отдела.

— Слушаюсь.

Фань Сянь зашагал вперед. Он не собирался упускать редкую возможность насладиться видом столицы глубокой ночью после долгого отсутствия и обронил лишь одну фразу:

— Эта коробка не для тебя одного, она для вас всех.

* «Медвежьи лапы» — очень дорогой деликатес, но не буквально из медвежатины.

** Отсылка к известным словам Конфуция: «Я люблю "медвежьи лапы" и люблю рыбу. Если нужно выбрать между ними, то я откажусь от рыбы и выберу "медвежьи лапы". Мне дорога моя жизнь и дорога справедливость. Если нужно будет выбрать, то я откажусь от жизни и выберу справедливость».

<http://tl.rulate.ru/book/96718/4622650>